

ТАМ, ГДЕ МОЛЧАТ СОБАКИ

АНИ ЕГАНЯН

18+

Ани Еганян

Там, где молчат собаки

«Автор»

2026

Еганян А.

Там, где молчат собаки / А. Еганян — «Автор», 2026

Днём Кира Невская исследует тела животных и пишет заключения, в которых нельзя оставить ни строчки о жалости. Ночью встречается с людьми, которых считает виновными в их гибели. Когда в городе начинается череда загадочных смертей, следователь Максим Ветров замечает общую деталь: возле каждого погибшего остаются земля и отпечаток собачьей лапы. Кто-то решил, что безнаказанность закончилась. Кира уверена, что умеет отличать правду от лжи. Но одна встреча заставляет её усомниться в собственных выводах. А человек, рядом с которым впервые за долгое время становится тепло, оказывается всё ближе к её тайне. Мрачный психологический триллер о жестокости, доверии и праве выносить приговор. Здесь любовь не обещает спасения, а доброе намерение может стать началом непоправимого.

© Еганян А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Номер сорок семь	6
Глава 2	9
Земля на подоконнике	9
Глава 3	12
Человек с папкой	12
Глава 4	15
Старые обращения	15
Глава 5	18
Правило	18
Глава 6	21
Разговор под запись	21
Глава 7	24
Красный ангар	24
Глава 8	26
Вторая смерть	26
Глава 9	28
Чужая подпись	28
Глава 10	32
Неотправленный файл	32
Глава 11	34
Последняя доставка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Ани Еганян

Там, где молчат собаки

Ани Еганян

Там, где молчат собаки

Психологический триллер

Глава 1

Номер сорок семь

Пакет привезли в половине восьмого. Курьер поставил его на пол, хотя на двери было написано, что ставить на пол нельзя, и протянул Кире телефон с разбитым экраном.

— Тут пальцем.

Она расписалась. Курьер остался у порога, разглядывая её резиновые туфли.

— А справка сегодня будет?

— Какая справка?

— Что он сам. Ну, болезнь какая-нибудь.

Кира посмотрела на пакет. Из плохо затянутого узла торчал угол клетчатого пледа. Такой плед она видела в каждом третьем доме: красные полосы, жёлтые квадраты, бахрома, которую невозможно отмыть от шерсти.

— Исследование ещё не началось.

— Я понимаю. Мне просто сказали уточнить.

— Кто сказал?

Курьер убрал телефон.

— Я доставляю только.

Он ушёл, не закрыв дверь. В коридоре зашуршали его бахилы. Кира дождалась, пока хлопнет наружная створка, и подняла пакет на каталку. На сопроводительном бланке стоял номер сорок семь. В графе «Кличка» было написано: «Не установлена». Владелец хотел знать, не заразились ли собака чем-нибудь на передержке. Три дня назад он забрал её домой, вчера она умерла.

Кира надела халат. Завязала волосы, проверила, не торчит ли прядь из-под шапочки. Привычная последовательность занимала меньше минуты. Сегодня она дважды поправила один и тот же рукав.

За окном ещё не рассвело. Дождь превращал стекло в матовую перегородку, за которой угадывались фонарь и торец соседнего корпуса. Центральная городская ветеринарная клиника открывалась в девять. В патологоанатомическое отделение входили с другой стороны, мимо контейнеров и окна бухгалтерии. Здесь часы приёма зависели от того, когда привезут очередного пациента, которому уже было всё равно.

Она развернула плед.

Небольшой кобель с седой мордой лежал на боку. Переднюю лапу когда-то сращивали после перелома; она была чуть короче другой. Под ошейником слежалась шерсть. На внутренней стороне ремешка кто-то шариковой ручкой вывел три буквы.

Бим.

Кира перечеркнула «Не установлена» одной линией, чтобы запись можно было прочитать, и вписала кличку рядом.

Потом включила свет над столом.

Когда пришла Ольга, на окне уже лежал первый снимок. Ольга несла бумажный стаканчик и прозрачную коробку с сырниками. Она работала регистратором двадцать лет и до сих пор стучала перед тем, как войти, хотя Кира просила не делать этого.

— Ты здесь ночуешь, что ли?

— Нет.

— На остановке опять раскопали. Водитель говорит: дальше пешком. Хорошо хоть предупредил до того, как проехал.

Она поставила еду в чистой комнате, вернулась и посмотрела на бланк.

— Есть что?

— Есть основания для дополнительных исследований.

Ольга наклонилась к записи. На самом деле её интересовало совсем другое, но она умела ждать, пока Кира сама решит, сколько можно сказать.

— Перелом старый, — сказала Кира. — Этот был вылечен. Остальное пока не пиши.

— Владелец звонил. Просил побыстрее. Говорит, семья переживает.

Кира сняла перчатки. Одна из них прилипла к запястью, и пришлось потянуть сильнее.

— Отдадим заключение по готовности.

— Я так и ответила.

Ольга помолчала, затем переставила коробку с сырниками подальше от края.

— Ты хоть ешь иногда то, что я приношу?

— Иногда.

— Враньё. Я потом нахожу в холодильнике. Ешь сегодня. Они с изюмом, нельзя оставлять нашим дворнягам.

Она ушла к телефону. Кира смотрела на дверь ещё несколько секунд. У Ольги на левом локте протёрлась кофта. Это пятно появилось весной. Каждый раз, замечая его, Кира хотела купить ей новую, а потом представляла, как придётся объяснять покупку, и откладывала.

В десять начальник отделения прислал сообщение: владелец Бима знаком с кем-то в администрации. Формулировка была вежливой. «Просьба уделить особое внимание». Кира сохранила сообщение вместе с остальной перепиской по случаю и продолжила работу.

В обед позвонила Вера Руденко.

— Ты получила перевод за кошку?

— Получила. Клиника получила.

— Отлично. Я сегодня заеду с документами. И мне надо с тобой поговорить. Не по телефону.

Кира убрала ручку в карман халата.

— Во сколько?

— После пяти. Ты же будешь?

— Буду.

За стеной Ольга ругалась с принтером. Бумагу опять затянуло под валик. Кира слышала, как регистратор уговаривает машину не подводить её «хотя бы перед пенсией», потом выругалась уже сама.

— У тебя всё нормально? — спросила Вера.

Кира не сразу ответила.

— Да.

— Голос усталый.

— Я работаю.

— Тогда до вечера.

Телефон погас. На чёрном экране отразилось лицо Киры: узкое, бледное, с красной полосой от шапочки на лбу. Она перевернула аппарат.

Вчера в это время Алексей Савельев был жив.

Его смерть ещё не появилась в городских новостях. Кира проверила это утром в автобусе, прежде чем убрать телефон. Ей не хотелось читать, как его назовут. Предприниматель. Благотворитель. Отец двоих детей. Все эти слова были правдой и не мешали другой правде, которую она знала о нём.

Вечером она вошла в его квартиру. Позднее вышла оттуда одна.

Теперь воспоминание возвращалось не целиком, а отдельными ненужными подробностями. На лестнице пахло краской. В прихожей стояла коробка с новой обувью, ещё обёрнутой тонкой бумагой. Человек, которого Кира пришла убить, собирался куда-то идти в субботу.

Она остановила себя на этой мысли и открыла журнал.

Сорок семь. Бим. Возраст около девяти лет. Кобель.

Ей хотелось, чтобы он прожил ещё хотя бы три года. Чтобы за окном было лето и кто-нибудь ругался на него за вырытую клумбу. Эти мысли ничего не меняли в заключении. Кира давно научилась не вписывать туда желания.

В четыре позвонил владелец. Ольга перевела вызов, прижав ладонь к трубке.

— Сам хочет.

— Соединяй.

Мужчина говорил тихо и отчётливо. Он уточнил срок, порядок оплаты дополнительных исследований и можно ли забрать ошейник. Потом спросил:

— Вы ведь напишете только то, что установлено?

Кира посмотрела на расстёгнутый ремешок. Буквы на изнанке расплылись от воды, но ещё читались.

— Да.

— Без предположений?

— С указанием того, что требует проверки.

Мужчина вздохнул.

— Вы не поняли. Мне важна репутация передержки. Я их рекомендовал знакомым.

— Я поняла.

Он ждал продолжения. Кира тоже ждала. Первым не выдержал он.

— Ладно. Сообщите, когда будет готово.

Она положила трубку. Через стеклянную вставку в двери Ольга показала ей сырник, завернутый в салфетку. Кира покачала головой, потом передумала и вышла.

Они ели стоя у окна. У Ольги на нижней губе осталась сметана. Она рассказывала про соседа, который третий месяц обещал починить доводчик. Кира слушала, разламывая сырник на мелкие куски.

— А ты его знаешь? — спросила Ольга вдруг.

— Кого?

Регистратор повернула телефон. В местном канале опубликовали фотографию Савельева. Он улыбался на фоне машины; рядом стояла девочка в выпускном платье.

«Обнаружен мёртвым у себя дома. Обстоятельства выясняются».

— Нет, — сказала Кира.

Ольга убрала телефон и продолжила про доводчик. Снаружи к окну прижался мокрый кленовый лист. Пока они ели, он медленно сполз вниз, оставив на стекле чистую дорожку.

Глава 2

Земля на подоконнике

Лифт остановился на девятом, а кнопка десятого не загоралась. Максим поднялся по лестнице. На площадке между этажами стояло детское кресло с оторванным ремнём и три банки из-под краски. К одной присохла кисть.

У двери квартиры дежурил молодой полицейский. Увидев удостоверение, он выпрямился и сделал шаг, перекрыв проход.

— Бахилы.

Максим посмотрел на его обувь. Парень покраснел и пропустил.

Квартира была тёплая. Слишком тёплая для октября: от батарей пахло пылью, окно в гостиной запотело. В прихожей на скамейке сидела женщина в домашнем костюме. Обеими руками держала связку ключей. Ноготь на большом пальце сломался до мяса.

— Ветров, следовательно. Как вас зовут?

— Анна.

Она назвала фамилию, и он уточнил, кем она приходится умершему.

— Убираюсь. По средам и пятницам. Сегодня он сам просил. Обычно не в этот день.

— Вы нашли?

Анна кивнула. Ключи звякнули.

Максим попросил сотрудника остаться с ней и прошёл в гостиную. Савельев лежал возле дивана. Врач уже закончил первичный осмотр и собирал вещи; эксперт фотографировал журнальный столик. На телевизоре без звука показывали кулинарную передачу. Женщина в жёлтом фартуке растирала что-то в миске.

— Пока без выводов, — сказал врач прежде, чем Максим успел спросить. — Видимой причины нет. Дальше исследование.

— Когда?

— Не сегодняшним утром. Это точно.

Савельеву было сорок восемь. По сведениям, которые передали Максиму по дороге, он владел несколькими автомастерскими и складским помещением за окружной. Разведён, двое детей, судимостей не было. Последнее часто произносили с особенным выражением, словно несудимость являлась результатом отдельного медицинского обследования.

Максим обошёл комнату. На столике стояли две чашки. Одна с кофейным налётом, вторая чистая на вид. Возле дивана валялся пульт. За приоткрытой дверью кабинета виднелись шкафы с документами.

— Вторая чашка не означает второго человека вчера, — сказал эксперт, не поднимая головы.

— Знаю.

— Я на всякий случай. Потом опять скажут, что мы посетителя упустили.

Его звали Павел. Они работали вместе достаточно давно, чтобы такие разговоры не требовали улыбки.

На подоконнике лежала земля.

Небольшая кучка, с монету размером. Рядом темнел отпечаток лапы. Четыре пальца, подушечка. Грязь подсохла по краям и ещё блестела в середине. Максим наклонился, не касаясь рамы.

— Здесь животное было?

— В квартире, по словам уборщицы, нет. На балконе ещё не закончили.

Окно запиралось изнутри. До ближайшего балкона сбоку было несколько метров, под ним — девять этажей воздуха и маленькая клумба у подъезда. Максим посмотрел вниз. На клумбе лежали пластиковая бутылка и чёрный пакет, зацепившийся за голую розу.

— Отдельно сними. И землю заberi.

Павел поднял камеру.

— Уборщица цветы пересаживала?

— Сейчас спросим.

В прихожей Анна уже выпила стакан воды и успела извиниться за стакан. Максим присел на корточки, чтобы не стоять над ней.

— Вы держите здесь свои ключи?

— Хозяин дал. Я не делала копий.

— Когда видели его в последний раз?

— В пятницу. Он был... обычный.

— Сегодня дверь была заперта?

— Да.

— Цветы в квартире есть?

Анна нахмурилась.

— На кухне искусственные. Настоящие я унесла ещё зимой. Он просил выбросить, а там хорошие были. Драцена.

Максим показал ей фотографию окна на экране камеры Павла. Не приближал изображение, чтобы не подсказывать ответ.

— Это было раньше?

Женщина долго смотрела.

— Нет. Я подоконники протирала. В пятницу. И собаки у него не было.

— А раньше?

Ключи перестали звенеть.

— Не знаю.

Он подождал.

— Мне надо сыну позвонить, — сказала Анна. — Я его из школы должна.

Максим объяснил, что ей помогут связаться с сыном, потом спросил ещё раз о животных. Анна отвечала коротко. В квартире она их не видела. О личной жизни хозяина ничего не знала. На склад не ездила. Последнего Максим не спрашивал.

Он не стал тут же ловить её на этом слове. Записал его и попросил номер телефона.

К полудню площадка заполнилась соседями. Они стояли за ограждением и сообщали друг другу, что ничего не знают. Женщина с пятого требовала объяснить, надолго ли займут лифт. Мужчина в растянутом свитере припомнил, что вчера слышал женские шаги. После уточнения выяснилось: шаги он слышал в лифте, лица не видел и время не помнил.

Максим спустился во двор. Дождь прекратился. Под навесом курил оперативник Сергей Панов, которого все называли по фамилии, даже жена. Он протянул бумажный стакан с кофе.

— Камера у домофона работает. Надо забирать запись. Соседи уже вспомнили восемь подозрительных людей. Трое из них курьеры.

— Все записи сохраняйте. По умершему что?

— Жил хорошо. Налоговая жаловалась, потом передумала. Конфликт с бывшим партнёром был три года назад. По складу пока смотрим.

Максим отпил. Кофе оказался сладким.

— Ты сахар положил?

— Там уже был. Из автомата.

Он допил половину, потому что выбрасывать тёплый стакан было жалко, и позвонил домой.

Соседка ответила после четвёртого гудка.

— Да вывела я его, Максим. Он сделал свои дела и теперь лежит поперёк кухни. У меня картошка на плите. Я через него переступаю.

— Он утром почти не ел.

— Сейчас съел. Из моей тарелки. Хороший у тебя аппетит у собаки, не переживай.

На заднем плане звякнула посуда. Потом послышалось короткое ворчание.

— Скажи ему, я вечером приду.

— Сам скажешь. Ему телефон неинтересен.

Максим убрал аппарат. Шов не любил, когда тот уходил без прогулки. С возрастом пёс стал хуже слышать, но каким-то образом отличал обычный утренний выход от внезапного вызова. Во втором случае вставал между хозяином и дверью и смотрел так, словно Максим опять нарушил понятный только им двоим договор.

Панов раздавил стакан и бросил в урну.

— Хочешь моё мнение? Сердце. Родственники говорят, давление было.

— Возможно.

— А лапа?

Максим посмотрел на окна десятого этажа. Отсюда было видно только тёмное стекло.

— Её кто-то оставил.

— Спасибо. Я уже представил летающего спаниеля.

— Узнай, что у него происходило на складе.

Панов перестал улыбаться.

— Думаешь, связано?

— Пока думаю, что Анна про склад вспомнила раньше нас.

На телефоне появилось сообщение от бывшей жены. Елена спрашивала, может ли забрать в субботу коробки с балкона. Он написал: «Да». Через минуту добавил: «Ключ подходит». Потом стёр второе сообщение. Она знала, что ключ подходит. За два года он так и не сменил замок.

Прежде чем сесть в машину, Максим ещё раз открыл фотографию следа. У одного пальца в грязи была маленькая белая выемка. Он увеличил снимок, затем вернул исходный размер. Убедиться, настоящая ли это собачья лапа, по фотографии он не мог.

Вечером, уже дома, он вымыл Шову задние лапы и вытер старым полотенцем. Пёс стоял терпеливо, перенося вес на здоровую сторону. На светлом кафеле остался мокрый отпечаток.

Максим задержал на нём взгляд.

Шов обернулся и шумно вздохнул, требуя ужин.

Глава 3

Человек с папкой

Вера приехала с двумя мешками корма и чужим ребёнком. Мальчику было лет восемь. Он нёс в прозрачном контейнере улитку и сразу спросил Ольгу, можно ли её показать врачу.

— Улитка заболела? — спросила Ольга.

— Нет. Хочу узнать, сколько ей лет.

— Это племянник, — объяснила Вера. — Сестра застряла на работе. У нас сегодня совмещённая программа.

У неё намочили плечи пальто. Светлые волосы выбились из заколки и прилипли к щеке. Она выглядела человеком, который весь день кого-нибудь спасал и теперь забыл, где припарковал машину.

Кира помогла занести корм в кладовую. Мешки предназначались стационару, и Ольга заставила Веру подписать акт передачи корма.

— Потом бухгалтерия спросит, откуда, — пояснила Ольга. — А скажу, что с неба упало, они потребуют акт о падении.

Вера улыбнулась и подписала обе бумаги. Она никогда не спорила с такими требованиями. Кира ценила это больше, чем слова о доброте. За семь лет, что фонд «Тихий двор» возил животных в клинику, Вера научилась отличать ненужную формальность от записи, без которой лечение остановится.

Они вошли в комнату отдыха. Вера сначала поставила на стол банку кофе, потом положила рядом тонкую папку.

— Я прочитала про Савельева, — сказала она.

Кира включила чайник.

— Я тоже.

— Странное чувство. Я должна расстроиться. Знакомый человек умер. А у меня в голове всё время тот гараж.

Два года назад в гараже нашли собак. Живыми вывезли не всех. На фотографиях, сделанных волонтерами, Савельев стоял у ворот с телефоном и показывал, что входить нельзя. Позже он объяснил, что помещение сдал в аренду, о происходящем не знал и сам вызвал полицию. Вера тогда привезла в клинику молодую суку с рассечённым ухом. Кира помнила номер случая, хотя кличку уже забыла.

— Ты думаешь, это кто-то из наших? — спросила Вера.

Чайник начал шуметь. Кира взяла две кружки, поставила одну перед Верой.

— Почему?

— Не знаю. Люди столько писали ему. Угрожали. Даже мне присылали, чтобы я передала. Помнишь, я просила не выкладывать адреса?

— Помню.

Вера провела пальцем по краю папки.

— Я сегодня думала, чего мы добились тогда. Собрали деньги, спасли кого смогли. Остальные так и остались в списке. Потом все устали.

— Усталость не отменяет сделанного.

— У тебя это хорошо получается. Так говорить, будто дальше можно работать.

Кира залила кофе. Вера достала телефон и показала сообщение от девочки, которой искали передержку для кота. Дома отчим грозился выбросить его с балкона. Они несколько минут выбирали, кому можно позвонить. Потом Вера выключила экран.

— Есть ещё один человек. Мне нужен твой взгляд.
Она подвинула папку.

На первой странице стояла фамилия: Громов Игорь Викторович. Сорок два года. Собственник помещения на Северной промышленной. Ниже были фотографии, распечатанные на обычной бумаге. Кира увидела металлические ограждения, мокрый пол, край собачьей миски. На одной фотографии Громов держал животное за ошейник. Лица не было видно, но Вера приложила другой снимок, сделанный с того же ракурса.

— Откуда?
— Человек работал у него. Боится.
— Имя.
— Кира...

Она отодвинула папку.

Вера потянулась к ней, но остановила руку.

— Я не могу назвать без разрешения. Он подписал объяснение. Посмотри последнюю страницу.

Объяснение было написано от руки. Мужчина по имени Николай сообщал, что работал сторожем, видел животных после ночных мероприятий, выносил мусор и слышал разговоры о ставках. К заявлению прилагался номер обращения. Кира переписала его на отдельный листок.

— Это подано?
— Да. Три месяца назад. Ответ там же.

В ответе сообщалось, что сведений для дальнейших действий недостаточно. Фраза о проверке занимала две строки. Контактный номер сторожа был закрыт чёрным прямоугольником.

— Я хочу посмотреть исходные фотографии, — сказала Кира. — И поговорить с ним. Хотя бы голосом.

— Попрошу. Только, пожалуйста, не дави. Он уже уверен, что зря связался.

Кира не ответила. Она читала описание повреждений, сделанное человеком без специального образования. Некоторые слова повторялись. Другие были неточны. Это казалось естественным. Мужчина писал о том, что видел, как умел.

Из коридора донёсся смех племянника. Ольга объясняла ему, почему у улитки нельзя спрашивать паспорт.

— А по Савельеву там что-нибудь говорят? — спросила Вера.

Кира подняла глаза.

— Где?
— В полиции. Ты с ними иногда общаешься.
— По животным.
— Ну да. Извини.

Вера допила кофе и забрала пустую банку из-под сахара, которую обещала передать в приют: в ней хранили мелкий крепёж. Собирала чужие ненужные вещи она с такой же обстоятельностью, с какой искала деньги на операции.

У дверей мальчик попросил Киру посмотреть улитку.

Она присела. Сквозь крышку контейнера был виден кусок огурца и раковина, испачканная землёй. Улитка спряталась.

— Я не умею определять их возраст, — сказала Кира.
— А кто умеет?
— Надо найти человека, который занимается улитками.

Мальчик подумал и кивнул. Такой ответ его устраивал.

Когда они ушли, Кира проверила переписанный номер обращения. По одному номеру она не могла установить, что именно подавали, и позвонила Вере снова.

— Пришли целиком. Без закрытых строк. Он может разрешить только мне.

— Хорошо, — сказала Вера. — Я поговорю.

Кира закрыла папку. На ладони осталась чёрная полоса от дешёвой краски. Она долго тёрла её под водой, пока не поняла, что смотрит на чистую кожу.

Глава 4

Старые обращения

Панов принёс материалы по складу Савельева в картонной коробке. Верхняя пачка была скреплена розовой резинкой для волос.

— Не моя, — сказал он, заметив взгляд Максима. — В таком виде выдали.

На обложках стояли разные даты. Жалобы соседей, фотографии, объяснения арендатора. Первое обращение поступило за три года до смерти Савельева, последнее — восемь месяцев назад. Между ними помещение успело сменить вывеску и формальное назначение.

Максим разложил бумаги по времени. На одном листе была фотография девушки с собакой на руках. Девушка отвернулась от камеры. Пёс смотрел прямо в объектив, прижимая уши.

— Её опрашивали?

— Фамилия в приложении. Соколова Анастасия.

— Свяжись.

Панов сел на свободный край стола.

— По соседям пока ничего. Уборщица сказала, Савельев просил на склад не приезжать. Она там убиралась один раз. Давно. Когда только нанялась.

— Что видела?

— Собаки в клетках. Ей сказали, питомник. Она не разбирается. Больше туда не ездила.

— Почему?

Панов повертел в руках розовую резинку.

— Ей стало страшно. Говорит, сама не знает отчего. Там люди какие-то были.

Максим посмотрел на снимки. На одной фотографии, за чёрной фигурой в проходе, виднелась клетка. Файл распечатали плохо; тёмная половина сливалась с тенью.

— Само ощущение в протокол не превратить, — сказал Панов. — Она жила с этим два года. А теперь человек умер, и ей кажется, что нужно было понять.

— Запиши то, что помнит. Без наших дополнений.

К обеду Максим прочёл все обращения. Они не складывались в простую историю о человеке, которого постоянно спасали деньги. В одних материалах не хватало проверок. В других заявители передавали слухи, а потом не отвечали на звонки. Был и отозванный рассказ, автор которого заявлял, что перепутал адрес. Один сотрудник добросовестно прошёл по соседним предприятиям и собрал объяснения, но не получил доступа к самим животным: к его приходу их вывезли.

Всё это могло означать покровительство. Могло означать небрежность, страх и умение появляться слишком поздно. Для мёртвых собак разница, вероятно, отсутствовала. Для расследования она оставалась существенной.

Максим позвонил врачу, проводившему осмотр тела. Тот подтвердил, что естественную причину смерти пока не установили.

— Родственники хотят забрать быстрее, — добавил врач.

— Знаю.

— Тогда объясни им, что это не я вредничаю.

Максим потратил двадцать минут на разговор с братом Савельева. Брат сначала требовал, потом просил, потом предложил оплатить «всё необходимое». Максим закончил разговор, не выбрав, какая из интонаций была неприятнее.

В шесть ему написала Елена: «Заберу коробки сегодня. Не в субботу». Он ответил: «Буду после восьми». Потом вызвал машину и поехал домой, потому что дома его ждал живой пёс.

Шов встретил его у двери. Одна щека была взлохмачена после сна. На коврике лежал кусок сырой картофелины: соседка всё-таки уступила просьбам.

— Ты бы ещё продуктов попросил, — сказал Максим.

Пёс чихнул.

На улице пахло мокрым железом. Они шли до заброшенного трамвайного кольца и обратно. Шов выбирал длинный маршрут даже тогда, когда задняя лапа начинала подрагивать. Максим научился заранее предлагать поворот, делая вид, что сам устал.

У мусорной площадки двое подростков снимали на телефон ворону. Она пыталась вытащить из пакета кусок хлеба. Один мальчик пнул пакет. Птица отскочила.

— Хватит, — сказал Максим.

Мальчик убрал телефон.

— Да мы ничего.

— Вот и хорошо.

Они ушли с видом людей, которым испортили законное развлечение. Максим поднял пакет за сухой край и опустил глубже в контейнер. Шов заинтересовался хлебом, но позволил увести себя без спора.

Дома Елена стояла на табуретке и пыталась достать антресольную коробку. Он снял её с табуретки за талию, как делал раньше, и оба на секунду замерли.

— Могла подождать, — сказал он.

— Я и так всё время жду.

Она произнесла это без злости. Оттого получилось хуже.

В коробках оказались старые тетради, новогодние игрушки и фотографии её матери. Елена присела возле Шова, почесала ему грудь. Пёс положил голову ей на колено.

— Ногу бережёт?

— Когда холодно.

— Ты показывал?

— Записался на пятницу.

— Не отменяй.

Она упаковывала фотографии, а Максим держал коробку. На кухонном столе лежала раскрытая рабочая записная книжка. Елена заметила её, но ничего не прочитала.

— Опять умер кто-то?

Он кивнул.

— Ты можешь так не оставлять? — Она показала на книжку. — Я понимаю, что больше не живу здесь. Всё равно.

Максим закрыл её. На странице оставалась фамилия женщины, которая нашла тело. Он не счёл нужным прятать её от пустой кухни.

Максим отнёс коробки в такси и проводил Елену. Когда он возвращался к подъезду, позвонил Панов.

— Соколова ответила. Приедет завтра. Ещё журналистка звонила. Шестакова.

— Что хочет?

— Говорит, Савельев был у неё в материале про фонд. Спрашивает, можно ли связать его смерть с её расследованием.

— Пока нельзя.

— Я ответил. Она сказала, тогда даст нам ещё кое-что.

Максим поднялся домой, не снимая куртки налил Шову воды. Телефон зазвонил снова. На этот раз незнакомый номер.

Женский голос представился Ириной Шестаковой.

— У вас есть несколько минут? Это про человека, которого Савельев искал перед смертью.

— Слушаю.

— Денис Ларин. Он водитель, иногда механик. Вozил животных. И я не уверена, что сейчас ему стоит отвечать на звонки незнакомых людей.

Максим взял ручку. На секунду ему показалось, что эту фамилию он уже где-то записывал. Он открыл книжку на новой странице и попросил Ирину начать сначала.

Глава 5

Правило

В пятницу пришёл окончательный результат по Биму. Он не подтверждал подозрение владельца насчёт инфекции и не подтверждал того, чего в глубине души ожидала Кира. Несколько изменений допускали разные объяснения. Возраст, перенесённое заболевание, неудачно подобранная нагрузка. Для вывода о насилии сведений не хватало.

Кира перечитала материалы, сверила даты и позвонила врачу, который лечил собаку раньше. Женщина на другом конце провода помнила Бима: у него была хозяйка, умершая прошлой зимой. После её смерти пёс жил у племянника, потом на передержке. На приёмах вёл себя спокойно. Старый перелом возник задолго до того, как он попал в семью.

— Они его любили, — сказала врач. — По-своему. Мужчина испуганный, всё переспрашивал. А вы почему интересуетесь?

Кира объяснила. Женщина замолчала, затем попросила прислать заключение, если родственники разрешат.

В графе о причине смерти Кира написала то, что позволяли установить результаты. Добавила ограничения. Убрала фразу, которая звучала более уверенно, чем следовало.

Ольга прочла готовый документ, прежде чем положить его в конверт.

— Не тот оказался?

— Кто?

— Владелец. Ты после звонка такая была.

Кира закрыла журнал.

— Я не знаю, какой он.

— Вот и я не знаю. Пришёл сегодня, сел в коридоре. Говорит, дома пусто, привык к миске возле холодильника. Я ему воды налила, он даже не выпил.

Кира посмотрела сквозь матовое стекло. За ним двигалась чья-то тень.

— Ошейник отдай. В пакетике, в шкафу.

Ольга ушла. Через несколько минут Кира увидела в коридоре мужчину с конвертом. Он стоял спиной, пытался открыть маленький пакет и никак не мог разъединить края. Потом убрал его в карман и быстро пошёл к выходу.

После работы Кира съездила к матери. Это случалось раз в месяц, в один из дней после пенсии: в другое время мать не позволяла привозить продукты, опасаясь, что дочери придётся платить за неё всегда.

Дорога занимала сорок минут. Дом стоял в квартале, где асфальт заканчивался внезапно, на середине тротуара. В подъезде пахло тушёной капустой. Кира поднялась на третий этаж и долго искала ключ, хотя знала, в каком он кармане.

Мать открыла сама. На ней был фартук с изображением лимонов.

— Я суп сварила. Ты чего такая мокрая?

— Дождь.

— Зонт есть у тебя?

Кира показала сложенный зонт. Мать отступила, не найдя другого повода для замечания.

В квартире осталось мало от её детства. Новый линолеум, пластиковые окна. Старый сервант выкинули после смерти отца. На месте кресла, в котором он спал перед телевизором, стоял велосипед-тренажёр, заваленный чистым бельём.

Они раскладывали покупки. Мать ругалась на цены, потом на то, что Кира купила слишком много. Помидоры переложила в другую миску. Ту, которую принесла дочь, сразу вымыла.

За ужином говорили о женщине из соседнего подъезда и о батареях. Мать попросила посмотреть квитанцию, потому что сумма опять выросла. Кира достала телефон, открыла калькулятор.

На холодильнике висела фотография. Она сама в школьной форме, коса перекинута через плечо. У ног сидел серый пёс. Снимок когда-то обреза́ли, чтобы в кадре не было отцовской руки с сигаретой.

— Зачем ты её повесила?

Мать проследила за взглядом.

— Хорошая фотография. Ты улыбаешься.

Кира положила квитанцию на стол.

— Там Грей.

— Я вижу.

Она произнесла это с усталостью, возникшей задолго до сегодняшнего разговора. Кире было тринадцать, когда собака исчезла. Отец сказал, что убежала. Мать не спорила. Через неделю соседка рассказала девочке то, чего ей не следовало рассказывать без взрослого рядом. Потом долго уверяла, что, может быть, ошиблась.

Теперь мать встала и закрыла кухонную дверь, хотя в квартире никого больше не было.

— Я ведь искала его.

— Один день.

— Ты не всё помнишь.

— Тогда расскажи.

Мать облокотилась на стол. На запястье виднелся шрам от ожога, полученного уже после смерти мужа, когда она опрокинула чайник. Этот шрам Кира знала хорошо. Остальные воспоминания не имели таких удобных отметин.

— Я боялась, — сказала мать. — Тебя надо было кормить. И себя тоже. Я не умела, как ты.

— Как я?

— Уйти и никого не спрашивать.

Кира хотела сказать, что ушла только в семнадцать и четыре года им ещё предстояло прожить. Но мать стояла перед ней маленькая, с красными от горячей воды руками, и предложение не складывалось.

Они допили чай. Кира пересчитала квитанцию, оставила на столе номер, по которому можно уточнить начисления. Перед уходом мать налила ей суп в банку и всё-таки сняла фотографию с холодильника.

— Не надо, — сказала Кира.

— Ты сама...

— Пусть висит.

Домой она ехала с тёплой банкой в пакете. В автобусе плакал ребёнок, и мужчина через проход требовал от матери «сделать уже что-нибудь». Кира отвернулась к окну. Ей хотелось, чтобы все замолчали. Потом ребёнок перестал плакать сам, уткнувшись лицом в рукав, и тишина оказалась ещё неприятнее.

Дома Кира включила ноутбук. Вера прислала новые материалы по Громову и номер человека, согласившегося говорить. Разговор длился сорок минут. Николай сначала отвечал односложно, потом заговорил быстро, перескакивая с одной даты на другую. Кира возвращала его назад. Спрашивала, что он видел сам, а что слышал от остальных. Он раздражался.

— Вы мне не верите?

— Я проверяю.

У неё было правило: одного рассказа недостаточно. Второе подтверждение должно приходиться не от того же человека и не пересказывать первый источник. В случае Савельева она собирала сведения почти год. Ей казалось, это отличало её решение от обычной злости.

Она открыла чистую страницу и написала сверху фамилию Громова.

За стеной сосед ударил по батарее. На кухне остывал суп. Кира ещё не знала, что правило можно соблюдать так, чтобы оно каждый раз давало желаемый ответ.

Глава 6

Разговор под запись

Ирина Шестакова пришла с диктофоном и сразу спросила, будет ли разговор официальным. Максим предложил сперва понять, о чём они разговаривают.

— Тогда я включу для себя. Если что-то нельзя публиковать, говорите прямо.

— Я не даю комментарий для статьи.

Она выключила аппарат, но оставила его на столе.

Ирине было около сорока. На рукаве пальто белела засохшая шпатлёвка. Волосы она подстригла сама или у человека, который очень спешил. Когда открывала блокнот, оттуда выпала квитанция из ремонта обуви.

— Ларин не хочет появляться, — сказала она. — Он возил собак между приютами. Иногда доставлял грузы в мастерские Савельева. Потом заметил, что номера на бумагах повторяются. По документам одни и те же животные как будто находились в разных местах.

— Номера чего?

— Учётные. И транспортных заявок. Он не бухгалтер, мне тоже пришлось разбираться.

— У вас есть копии?

— Часть. Он обещал остальное.

Максим подвинул ей бумагу, чтобы записала контакт. Ирина не взяла ручку.

— Сначала объясните, что вы собираетесь делать.

— Связаться с ним. Выяснить, какие сведения у него есть. Получить документы так, чтобы ими можно было пользоваться, а не пересылать картинки по кругу.

— Он уже пытался.

— К кому обращался?

— К разным. В том числе сюда.

Она достала из папки распечатку переписки. Внизу стояла дата: шестое июня. Ларин писал, что располагает сведениями о вывозе животных и хочет передать документы лично. В ответ ему дали номер другого подразделения и разъяснили порядок обращения.

Максим узнал внутренний телефон.

— Здесь речь о документах на перевозки. Это могли направить по принадлежности.

— Ему так и сказали.

— Это не означает, что его отказались слушать.

Ирина посмотрела на него без выражения.

— А он понял именно так.

Максим перечитал лист. В июне он работал по делу женщины, которую нашли в вентиляционной шахте. Спал по три часа и отвечал на звонки, не запоминая лиц собеседников. Он помнил, что несколько раз просил дежурного не соединять без срочности. В этом не было ничего необычного. Оттого вспоминать было труднее.

— Я проверю, — сказал он.

— Хорошо.

Ирина записала номер Ларина. Потом добавила свой.

— Савельев звонил ему за два дня до смерти. Денис не ответил. Откуда Савельев узнал, что он разговаривает со мной, я не знаю.

— Кто ещё знает?

— Несколько волонтеров. Директор фонда. Он искал, кому доверить копии.

— Какого фонда?

— «Тихий двор».

Максим записал название. Ирина заметила его движение.

— Вера помогает нам с материалом. Пока помогает. Я не ручаюсь ни за кого заранее, если вы об этом.

После разговора он проводил журналистку до выхода и вернулся в кабинет. На столе оставалась распечатка июньской переписки. Несколько раз он поднимал телефон, чтобы позвонить Ларину, и откладывал: сначала хотел поднять регистрацию того обращения. Затем понял, что ищет причину отложить неудобный разговор.

Ларин ответил не сразу.

— Мне ваш номер Ирина дала, — сказал Максим. — Я занимаюсь смертью Савельева. Вы можете приехать?

В трубке зашумела вода. Ларин отошёл куда-то и прикрыл дверь.

— Я с ним не встречался.

— Я пока не спрашивал о встрече. Хочу поговорить о перевозках.

— Это у вас теперь важно?

Максим посмотрел на июньскую дату.

— Важно.

Они договорились на понедельник. Ларин сказал, что раньше не получится: он уезжает к дочери, в другой город, привезёт ей зимние вещи. Максим попросил прислать хотя бы перечень документов. Собеседник пообещал вечером и завершил разговор прежде, чем ему задали следующий вопрос.

Панов появился с ответом из клиники, где лечился Савельев. Прижизненные жалобы не объясняли смерть однозначно. Оперативник заметил чужую распечатку.

— Что там?

— Свидетель. На понедельник.

— По складу?

— По складу и фонду.

Панов придвинул стул. Они стали сопоставлять даты, не делая из списка фамилий организационную схему раньше времени. «Тихий двор» действительно оплачивал лечение собак, вывезенных со склада. Несколько волонтеров фонда проходили в материалах как заявители. Один из сотрудников администрации встречался с Верой на публичном мероприятии. Последнее пока говорило только о том, что чиновники фотографируются с людьми.

Вечером прислали первые результаты исследования тела. Максим перечитал сообщение и позвонил специалисту. Тот предупредил, что выявленные следы требуют подтверждения и сопоставления. Название группы веществ ничего не рассказывало о человеке, который мог их использовать. Такие выводы следователь должен был оставить себе до получения заключения.

— То есть сердечный приступ мы больше не считаем главным объяснением? — спросил Максим.

— Мы проверяем другое объяснение. Не переворачивай мои слова.

Он записал именно эту формулировку.

В пятницу, когда Максим привёз Шова на осмотр, в ветеринарной клинике меняли лампу над стойкой. Пёс с удовольствием обнюхивал край мешка с кормом. Молодой врач сказал, что снимки надо сравнить с прежними, и попросил посидеть в коридоре.

Из боковой двери вышла женщина в белом халате. Подошла к пожилой регистраторше, забрала конверт. Максим отметил её только потому, что Шов поднялся и потянул носом в её сторону. Женщина остановилась, не делая попытки погладить.

— Он не кусается, — сказал Максим.

— Я не боюсь.

Она протянула руку ладонью вниз, позволила псу обнюхать пальцы и пошла дальше. Максим смотрел на дверь кабинета и думал о предстоящем разговоре с Лариным. Женщина для него ещё не имела имени.

Глава 7

Красный ангар

В воскресенье Кира проснулась от скрежета. Сосед с верхнего этажа двигал что-то тяжёлое. Часы показывали шесть двенадцать. Она некоторое время лежала, считая толчки, потом встала и подошла к раковине.

На правом запястье темнел синяк. Его оставила дверная ручка ангара, за которую она зацепилась вечером, когда проверяла адрес. Кира нажала на пятно. Боль была простой и понятной, не нуждалась в объяснении.

Она сварила кофе, открыла записи. За четыре дня удалось поговорить с двумя людьми, которые бывали у Громова в разное время. Один работал сторожем. Другая, женщина с хриплым голосом, выкупила оттуда пса и хранила договор, похожий на расписку о покупке мебели. Клиника, лечившая животное, подтвердила обстоятельства обращения с согласия хозяйки. Ни один из этих людей не знал, зачем Кира спрашивает именно сейчас.

Громов был человеком, который умел придавать своим занятиям приемлемые названия. Огороженная территория называлась спортивной площадкой. Собаки — рабочими. Люди, оставлявшие деньги охраннику, — участниками клуба. Кира читала его старое интервью. Он рассуждал о дисциплине и ответственности, а на заднем плане сидел пёс с тусклой шерстью и открытой пастью.

Ей хотелось закрыть снимок. Вместо этого она увеличила его, пытаясь разглядеть край пола.

К полудню позвонила Вера.

— Николай тебе ответил?

— Да.

— Он потом мне звонил. Сказал, ты очень подробно расспрашивала.

Кира отвела телефон от лица. На экране высветилась фотография Веры с собакой. Её сделали два лета назад во дворе клиники.

— Ты сама дала номер.

— Конечно. Я просто хотела узнать, всё ли получилось. Он человек непростой.

— Как и остальные.

— Ты сердишься?

— Нет.

Вера помолчала.

— Мне иногда страшно, сколько ты держишь в себе. У нас хотя бы общий чат. Можно написать, что всё надоело. А у тебя кто?

Кира посмотрела на окно. На карнизе сидел голубь без нескольких перьев в хвосте. Он топтался, не находя сухого места.

— У меня работа.

— Это я знаю.

Они закончили разговор. Кира сохранила его в памяти не как подозрительный, а как неприятно близкий. Вера подходила слишком близко к месту, которое она привыкла считать закрытым.

После обеда Кира пошла в магазин. Купила хлеб, корм для кошки матери и лампочку. Дома вкрутила лампочку в коридоре. Прежняя не горела две недели; она каждый вечер проходила в темноте, зная расположение вещей. Теперь свет оказался резким. На стене обнаружилось пятно, которого она раньше не замечала.

Около восьми она надела пальто.

Путь к Северной промышленной шёл через район новых домов. За заборами светились окна, на первых этажах работали пекарни. Люди выбирали булочки и придерживали двери коляскам. Через две остановки освещение стало реже. Кира вышла возле автомойки. Дальше пахло мазутом и мокрыми досками.

Громов ждал её. Они заранее договорились о разговоре: она назвала своё настоящее имя и профессию. Ему требовался человек, способный оценить состояние собак перед продажей. В этом была одна из причин, по которым позднее Максим смог восстановить её путь. В тот вечер Кира думала о другом.

Ангар оказался серым. Красным его называли из-за ворот, выкрашенных несколько лет назад. Краска отслаивалась длинными лентами. Возле входа стоял подросток с сигаретой, худой и зябкий. Он посторонился и сказал, что хозяин внутри.

Громов вышел из боковой комнаты. В руке у него была керамическая миска с лапшой.

— Ветеринар?

— Да.

— Халат не взяла?

Он улыбнулся собственной шутке. Кира не ответила, и улыбка погасла. Громов поставил миску на ящик, вытер пальцы бумажным полотенцем.

Из глубины ангара слышалось дыхание. Собака лежала за ограждением. Увидев чужого человека, подняла голову, но не встала. На другом конце коридора кто-то стукнул металлической дверцей, и животное прижало подбородок к полу.

— Эта не продаётся, — сказал Громов. — Ты туда не смотри. Нам другие нужны.

Кира всё равно подошла. Пёс следил за её рукой и не менял положения.

— Ему нужен врач.

— Так ты и есть врач.

— В стационаре.

Громов раздражённо вдохнул.

— Я тебе за осмотр плачу. Не за мнение о моём хозяйстве.

Позже Кира вспоминала, что ещё могла уйти. Вызвать помощь, поднять шум, потерять право вернуться. Животное осталось бы там хотя бы до утра. Она заранее представляла каждую из этих возможностей и объявила их бесполезными. От этого они не перестали существовать.

Когда она покидала ангар, подростка у ворот уже не было. За ограждением снова стало тихо. Громов оставался в боковой комнате.

Кира дошла до освещённой остановки и села на мокрую скамейку. Она знала, что убила второго человека. Никакого облегчения не наступило. Только усталость, внезапная и тяжёлая, будто тело до этого момента работало отдельно от неё.

В кармане завибрировал телефон. Мать прислала фотографию кошки на батарее и спросила, нормально ли та дышит во сне. Кира увеличила снимок, посмотрела на положение грудной клетки, потом написала, что по фотографии этого не определить. Попросила снять короткое видео и позвонить дежурному врачу, если мать тревожится.

Автобус пришёл пустой. Водитель спросил, будет ли она выходить на конечной. Кира ответила, что раньше.

Дома она не включила новый свет. Села на пол возле батареи. На рукаве засохло светлое пятно от стены ангара. Она тёрла его ногтем, пока не повредила ткань.

В два часа ночи на телефон пришло сообщение Веры: «Спасибо за Николая. Ему важно, что кто-то слушает».

Кира прочитала его и не ответила.

Глава 8

Вторая смерть

Громова нашли в понедельник утром. Позвонил тот самый подросток, которого Кира видела у ворот. Его звали Артём, ему исполнилось восемнадцать три недели назад. Он несколько раз повторил это, прежде чем у него спросили возраст.

Максим приехал, когда животных ещё не начали вывозить. Между ограждениями стоял Панов и пытался уговорить рыжего кобеля отойти от дверцы. Пёс не рычал. Просто упирался всем телом, не позволяя открыть.

— Не трогай, — сказал Максим. — Пусть специалисты.

— Он там на мокром лежит.

Панов убрал руку. Максим увидел, что пальцы у него дрожат, и не стал смотреть дольше.

В боковой комнате пахло остывшей едой. На столе стояла миска, возле неё лежало полотенце. Громов сидел в кресле, запрокинув голову. На первый взгляд можно было подумать, что он уснул, если не замечать неподвижных рук и того, как Артём старательно отворачивается от дверного проёма.

У порога лежала земля. Рядом — след лапы.

Павел, прибывший с группой, несколько секунд молча смотрел на него, потом поднял глаза на Максима.

— Из первого дела никто снимки не отдавал?

— Я не отдавал. Проверим остальных.

След был меньше, чем тот, что оставили в квартире Савельева. Или казался меньше из-за поверхности. Максим заставил себя удержаться от поспешного сравнения. По фотографии и памяти люди узнавали даже те лица, которых никогда не видели.

Снаружи подъехала машина фонда. Из неё вышли Вера и девушка в короткой куртке. Максим узнал девушку по фотографии в старых материалах.

— Соколова?

— Да. Настя. Вы звонили.

— Я просил приехать к нам.

— Я вчера работала. А сегодня здесь надо. Вера сказала, вам передадут.

Вера подошла и представилась. У неё на голове был мокрый капюшон, на лице — выражение, знакомое Максиму по людям у входа в больницу: они готовы заняться чем угодно, если им скажут чем.

— Мы можем вывезти четверых сразу. Остальных придётся распределять. Здесь сколько?

— Сначала осмотр и учёт, — сказал Максим. — Мы позвали городскую службу и ветеринаров.

— Хорошо. Только им нельзя здесь оставаться до вечера.

Она не пыталась пройти за ограждение. Спросила, где ждать, и вернулась к машине.

Настя смотрела на красные ворота.

— Мы сюда писали. Ещё летом. Есть номера.

— Принесите всё, что сохранилось.

— Они у Веры.

— А у вас?

Девушка пожала плечами. Максим попросил её не удалять переписку и нашёл Артёма. Тот стоял под козырьком, сжимая пластиковый стакан. Чай давно вылился, но парень продолжал держать его вертикально.

— Вчера женщина приходила, — сказал он сразу. — Врач. Хозяин сказал впустить.

— Имя знаете?

— Нет. Тёмные волосы. Пальто. Обычная.

— Во сколько?

— После восьми. Я потом ушёл. Мне в магазин надо было, он разрешил. Я не видел, как она вышла.

— Кто ещё приезжал?

Артём назвал двоих. Один привозил корм, второй забирал инструменты. Женщина в пальто была третьей в его рассказе и четвёртой в списке тех, кто действительно имел повод там появиться. Максим записал всех.

В половине первого позвонил Ларин.

— Я сегодня не доеду. У меня машина встала.

Максим вышел из комнаты, чтобы не говорить при Артёме.

— Можем забрать вас.

— Не надо. Я не там. Вернусь, сам наберу.

— Денис, я хочу получить документы сейчас. Хотя бы копии.

— Я их собираю. Мне надо понять, что у меня есть. Там люди живые, понимаете?

— Понимаю. Вы мне можете назвать место, где находитесь?

— Сейчас не могу.

Связь оборвалась. Максим перезвонил. Ларин не ответил. Через пять минут прислал: «Со мной всё нормально. До конца недели передам».

Максим попросил Панова проверить, действительно ли он уезжал к дочери и где сейчас мог остановиться. Это было действие, которого не хватало их июньскому разговору. Он ещё не знал, что снова не успевает.

К вечеру собак погрузили. У рыжего кобеля обнаружилось имя: Артём тихо сказал «Рыжик», и тот впервые повернул голову. Парень помог донести переноску до машины, потом спросил, можно ли узнать, что с ним будет.

Настя дала номер.

— Я напишу. Только не пропадай потом.

Артём кивнул. Он выглядел младше своего возраста, и Максим поймал себя на желании считать это оправданием. Потом вспомнил, что возраст ещё ничего не рассказывал о том, что парень делал здесь по ночам. Предстояло выяснить.

В кабинете Максим разложил фотографии двух мест. У Савельева — подоконник. У Громова — порог. В обоих случаях знак был размещён так, чтобы его заметили до обычной уборки. Случайный посетитель мог не обратить внимания, но человек, рассматривающий место смерти, должен был увидеть.

— Сообщение, — сказал Панов.

— Похоже.

— Кому?

Максим посмотрел на землю возле кресла Громова.

— Пока нам. Может быть, кому-то ещё.

Он снял куртку, повесил её на спинку стула и попросил составить общий список людей, которые соприкасались с обоими погибшими. Не только врачи. Волонтёры, арендаторы, поставщики, участники проверок. Список получился длиннее, чем им хотелось.

В половине одиннадцатого из дома позвонила соседка. Шов снова не хотел уходить из прихожей.

— Лежит на твоих ботинках. Уговаривать не стану. Пусть ждёт.

Максим закрыл папку и впервые за день спросил себя, кому рассказывает о своей собаке. Выяснилось, почти всем, с кем разговаривает дольше пяти минут.

Глава 9

Чужая подпись

На следующий день Вера попросила встретиться за пределами клиники. Кира выбрала столовую возле старого кинотеатра. Там подавали суп в тяжёлых белых тарелках, и никто не обращал внимания на людей, которые долго сидят над одной чашкой.

Вера пришла без пальто, в пуховой жилетке. Руки были исцарапаны.

— Вчера один вывернулся из переноски. Зубами не стал, а когтями досталось.

Она сняла крышку с чашки, хотя кофе наливали из обычного кофейника и крышку принесли только потому, что она собиралась уходить.

— Громова ведь тоже... — начала она и остановилась.

Кира держала ложку над супом.

— Что?

— Нашли. Как Савельева. Я не знаю, можно ли это обсуждать. Следовательно спрашивал о врачах, которые с ним работали.

— И что ты сказала?

— Правду. Что мы с ним не работали. Пытались вывезти собак.

За соседним столом мужчина стряхивал сахар в стакан, внимательно наблюдая за струёй. Кира опустила ложку.

— Ты поэтому позвала?

Вера покачала головой.

— Надо кое-что показать. Но, может быть, сейчас не время.

— Покажи.

Из папки появились транспортные накладные, фотографии собак и несколько страниц переписки. На первой накладной стояла подпись Дениса Ларина.

Кира посмотрела на неё, потом перевернула лист. Та же фамилия, другая дата. На последней странице был кадр из видео: мужчина в тёмной куртке держал собаку за шею у дверцы фургона. Морда животного исчезала за его локтем.

— Что я вижу?

— Водителя. Он возил их туда, откуда потом никто не возвращался.

— Откуда у тебя эти документы?

— Их передали. Он сам кое-что принёс, только отобрал удобное. Сейчас пытается выдать себя за свидетеля.

Кира подняла глаза.

— Кому?

— Журналистке. Следователю. Они не понимают, с кем разговаривают.

— А ты понимаешь?

Вера помолчала. Положила ладонь на бумаги, будто хотела забрать.

— Я считала его хорошим человеком. Он нам помогал. Поэтому и хочу, чтобы посмотрела ты.

Видеофрагмент длился одиннадцать секунд. Собака дёргалась. Ларин придерживал её, потом камера резко уходила в сторону. Кира попросила показать продолжение.

— Нет продолжения, — сказала Вера. — Человек снимал из машины. Испугался.

— Тогда по этому нельзя судить.

— Согласна. Поэтому там остальное.

Остальным оказались свидетельство бывшего работника площадки, несколько платёжных документов и перечень животных, вывезенных за три месяца. Фамилия Ларина повторялась под каждой доставкой. Кира нашла дату, совпадающую с поступлением в их отделение собаки из того же района. Тогда в сопроводительной бумаге не было ни водителя, ни названия места. Только номер заявки.

Он совпадал.

Ей следовало заметить, что совпадение доказывает маршрут, а не действия человека на нём. Она это заметила. Записала на полях вопрос. Но ниже уже лежало объяснение, в котором Ларину приписывались конкретные поступки. Кира прочла его дважды.

— С этим человеком можно поговорить?

Вера дала номер. Сказала, что предупредит.

Вечером мужчина ответил после долгого ожидания. Он говорил раздражённо. Утверждал, что знает Ларина давно, видел, как тот обращался с животными, и сам после этого ушёл. Кира спросила, кто платил ему зарплату. Он назвал организацию. Она уточнила адрес, месяц и цвет ворот. Он ответил без заминки.

Когда она попросила прислать исходный файл видео, мужчина разозлился.

— Вам мало, что ли? Я уже давал всё. Мне ещё что сделать, самому туда вернуться?

Кира сказала, что никто не просит возвращаться. Собеседник бросил трубку.

До утра она просматривала документы. Перечень животных не совпадал с публичными отчётами фонда. Вера объяснила это разницей между вывозом и поступлением. Какие-то собаки якобы умерли в дороге, другие переданы на временное содержание. Она сама хотела разобраться и поэтому собрала бумаги.

Кира нашла в социальных сетях страницу Ларина. Он улыбался возле старого фургона. На другой фотографии стоял рядом с девушкой, похожей на него формой подбородка. Под снимком было написано: «Мой лучший механик уехал учиться». Девушка держала гаечный ключ и смеялась.

У Савельева тоже была дочь.

Кира закрыла страницу и вернулась к перечню. В конце одной строки стоял номер, который она помнила без проверки. Случай восемнадцать за прошлый год. Чёрная собака, доставленная после неизвестного происшествия. На ошейнике не было имени.

Она открыла архив и сравнила даты. Документы в папке говорили, что Ларин вывез её утром. В клинику собака поступила вечером того же дня.

Это было настоящее совпадение. Бумага существовала до нынешнего разговора и хранилась в другом месте. Кира придвинула её ближе, чувствуя, как разрозненные сведения обретают нужную форму.

Позднее она будет вспоминать, что возле подписи значилось только «груз принял». Никакого признания, никакого описания насилия. Два обычных слова, которым она позволила означать слишком многое.

Утром пришла Ольга. Поставила на стол чай, посмотрела на открытые страницы.

— Ты спала?

— Дома.

— Я не спрашивала, где.

Кира закрыла архив. Ольга не ушла.

— У тебя в последнее время вид такой, будто ты всё время ждёшь, что кто-нибудь начнёт мешать.

— Мне нужно закончить.

— Всем нужно. Только потом надо ещё жить.

Кира подняла кружку. Чай был слишком горячим, но она сделала глоток. Ольга забрала пустой поднос и притворила дверь. На столе под закрытой папкой остался краешек фотографии девушки с гаечным ключом.

В тот же вечер Ларин сидел на кухне перед открытым ноутбуком. Уголь лежал под столом, иногда вздыхал, когда хозяин двигал ногой. На полу возле холодильника стояла вторая миска. Она осталась после собаки, которую Денис держал несколько дней, пока не нашлась передержка. Убрать не доходили руки.

Он снова смотрел накладные. Чем дольше занимался ими, тем меньше верил первоначальной мысли: достаточно собрать очевидное, и кто-нибудь разберётся. Для него очевидным было, что он не мог одновременно отвезти одних и тех же собак в два места. Другому человеку требовалось объяснить, почему это одни и те же собаки, а не просто похожие номера. Для этого нужны были люди. Люди больше не хотели вспоминать.

Он позвонил бывшему начальнику площадки. Тот ответил с шумной улицы.

— Я тебе уже сказал, всё через организацию.

— Мне не надо ничего через тебя отдавать. Скажи, двадцать третьего вы принимали?

— Было много приёмов.

— Ты же смену закрыл. У тебя подпись.

— Значит, принимали. Чего тебе ещё?

Ларин подвинул следующий лист.

— А тут написано, что не принимали. Как мне это понять?

— Тебе деньги за рейс заплатили?

Он замолчал.

— Заплатили, — повторил собеседник. — Вот и понимай. Я сейчас не могу.

Связь оборвалась. Денис записал время разговора. Потом зачеркнул фамилию и вписал заново: перепутал одну букву. Человек, которому он звонил, наверняка тоже сейчас раздражался и хотел домой. Это было проще представить, чем сознательного соучастника всего, что скрывалось за этими бумагами.

Уголь проснулся от звонка Алёны. Денис поднял телефон, сразу улыбнулся, хотя дочь этого не видела.

— Получила посылку?

— Получила. Зачем ты ещё варенье туда положил? Оно потекло.

— Не потекло. Я закрутил.

— Пап, я с ним не спору. Оно уже потекло.

Он рассмеялся и начал извиняться. Алёна сказала, что ничего страшного, только бумажки прилипли. Спросила, как Уголь. Денис направил камеру вниз. Пёс не открыл глаз, но повёл ухом на знакомый голос.

Дочь рассказывала об общежитии. У соседки опять кто-то ночевал, выключатель в ванной сломался, занятие по рисунку перенесли на субботу. Денис слушал и пытался не смотреть на документы. Один лист всё-таки попал в кадр.

— Ты опять с этим? — спросила Алёна.

— Заканчиваю.

— Ты неделю заканчиваешь. Там кто-нибудь помогает?

Он сказал, что помогает журналистка. Следователь тоже поговорил. Не рассказал, как трудно оказалось добиться, чтобы слова «я возил» не стали в начале любого ответа словами «значит, ты знаешь всё». Дочери и без того хватало чужих проблем.

— Ты раньше тоже говорил, что это нормальная работа, — заметила она.

Денис отложил ручку.

— Говорил.

— И не спрашивал?

— Не всё спрашивал.

Она молчала. Он не стал добавлять, что ему нужны были деньги. Это объясняло, почему согласился на рейсы, но не каждое последующее решение.

— Я сейчас пытаюсь понять, — сказал он.

Алёна вздохнула.

— Только не один. Ладно? А то ты всё сам, сам.

Он пообещал. Уголёк открыл глаза, потому что хозяин слишком долго не двигался. Денис протянул руку под стол и почесал его за ухом.

После разговора написал Насте. Спросил про полную запись того дня, когда забирал собаку. Хотел приложить её к материалам, если вдруг понадобится объяснять короткий фрагмент, который ходил между людьми. Настя ответила голосовым сообщением: старый телефон всё ещё не включается, но Дима уверен, что часть файлов на карте. На выходных обещал найти.

Денис записал рядом с датой: «Ждать карту». Слово ему не понравилось. Он уже слишком много ждал от людей, которые имели и другие дела.

На дверце холодильника висела старая фотография Алёны с короткой чёлкой. Она держала на руках игрушечного зайца, купленного в привокзальном киоске. Денис много лет обещал ей другую игрушку, большую, потом девочка выросла, а маленький заяц остался. Он подумал, что дочь помнит не все его опоздания и отговорки. Или помнит и не говорит.

Телефон снова зазвонил. Вера спросила, решил ли он вопрос с врачом, который посмотрит заключения. Напомнила о Невской, работающей в лаборатории. Сказала, что Кира дотошная, сама поговорит, если захочет.

— Пусть звонит, — ответил Денис. — У меня всё открыто. Мне скрывать нечего.

После этих слов он сам открыл ещё одну папку на ноутбуке и замер. Там были фотографии первого месяца работы: улыбающиеся люди, новые переноски, крупные собаки у чистого ограждения. Тогда ему нравилось, что он участвует в чём-то полезном. Лица на снимках теперь смотрели на него из места, куда хотелось вернуться, не зная дальнейшего.

Денис закрыл фотографии. Вывел Угля, вымыл миску, убрал кухню. Прежде чем лечь, проверил, заряжается ли телефон. Утром собирался обзвонить ещё двоих.

Глава 10

Неотправленный файл

В субботу Максим поехал к Ларину домой. Договориться о встрече не получалось уже несколько дней. Сначала сломалась машина, потом понадобилось дожидаться человека, потом Ларин обещал перезвонить и не перезвонил. Панов выяснил, что к дочери он действительно ездил, но вернулся ещё в прошлое воскресенье вечером.

Дом стоял возле железной дороги. Подъезд открыла женщина с хозяйственной сумкой. Максим дождался, пока она отойдёт, и позвонил в домофон ещё раз, чтобы не входить незапланированным. Ларин ответил из квартиры и разрешил подняться.

На лестнице сушились вымытые половики. В прихожей у Ларина лежала разобранная дверная ручка. Он чинил её, когда пришёл Максим.

— Я ненадолго, — сказал следователь.

— Всё равно проходите. Тут не разойтись.

Квартира была маленькая, с низкой мебелью и множеством аккуратно подписанных коробок. На кухне у окна стояла миска. Из коридора появился чёрный пёс с поседевшей грудью. Посмотрел на гостя и вернулся под стол.

— Уголь, — сказал Ларин. — Не любит незнакомых.

Максим сел так, чтобы не перекрывать собаке выход. Ларин заметил.

— У вас тоже есть?

— Да.

Хозяин достал две чашки, но чайник включать не стал. Сел напротив.

— Я часть документов передал Вере. Она должна была вам.

— Какие именно?

— По перевозкам. По собакам, которых нет в отчётах.

— Мне пока ничего не передавали. Журналистка дала несколько копий.

Ларин потёр переносицу.

— Я поэтому и тяну. У меня не сходится. Одни бумаги отдал, потом вижу другие. Люди говорят, я сам всё подписывал. Конечно подписывал. Что принял, что довёз. Я водитель. Мне с каждым листом к юристу было ехать?

— Давайте посмотрим то, что осталось у вас.

Он принёс ноутбук. Долго искал нужную папку, раздражаясь на медленную загрузку. Максим смотрел в сторону, пока на экране мелькали личные фотографии.

Документов оказалось меньше, чем ожидалось. Сканы заявок, несколько снимков журналов, перечень адресов. Ларин объяснял каждую дату отдельно. Не всё помнил точно. Два раза поправил собственные слова. Максим отмечал исправления, стараясь не торопить.

— Вот эти одинаковые номера, — сказал Ларин. — В разных местах. Я думал, ошиблись. Потом спросил на площадке. Мне сказали, не моё дело.

— Кто сказал?

— Гордеев. Андрей. У него люди там охраняют.

Фамилия была знакомая: подрядчик, мелькавший в материалах по складу Савельева. Максим попросил показать сообщение. Ларин сказал, что разговор был личный.

— А о чём вы хотели сообщить в июне?

Ларин закрыл ноутбук наполовину.

— О том же. Ещё тогда было видно.

— Я видел обращение. Хочу понять, что произошло после.

— После мне дали номер. Я позвонил. Там попросили заявление. Я написал. Потом попросили документы. Я собирал, мне сказали: у вас копии, откуда взяли. Я пошёл к людям, которые дали. Они уже ничего не давали. Вот что было после.

Максим достал бланк для записи объяснения и положил на стол.

— Давайте зафиксируем сейчас.

— Я к вам в понедельник приеду. Со всем. Сейчас здесь не всё.

— Вы чего-то опасаетесь?

Ларин посмотрел на закрытую дверь кухни.

— Что опять окажусь самым удобным. У вас каждый лист с моей подписью. У тех, кто решал, подписи нигде нет.

Максим не мог обещать ему обратного. Он объяснил, что участие в перевозках нужно проверять отдельно от сведений о том, что происходило с животными. Ларин слушал, поглаживая большим пальцем сколотый край чашки.

Встречу назначили на утро понедельника. Документы, которые были на ноутбуке, Ларин разрешил скопировать и описать на месте. Об остальном сказал, что получит вечером. Максим оставил прямой номер и попросил не ждать понедельника, если появятся угрозы.

У двери Уголь неожиданно подошёл к нему. Обнюхал мокрый край куртки, поднял голову. На ошейнике висел овальный жетон. Номер телефона был выгравирован с одной стороны, имя с другой.

— Его самого нашёл? — спросил Максим.

— Забрал с базы. Думал, временно. Он так и думает, наверное.

Ларин впервые улыбнулся.

На лестнице Максим позвонил Вере. Она ответила из машины и подтвердила, что получила от Ларина документы. Пояснила, что разбирает их с бухгалтером и передаст в понедельник. Он попросил привезти всё, включая то, что кажется несущественным.

— Конечно. Я же сама хочу разобраться.

Вечером он сводил Шова на короткую прогулку, потом сел работать. Присланные файлы были разного качества, но один перечень выделялся: в нём вручную исправили двадцать три записи о переводе животных. Максим отправил вопрос специалисту по документам и записал, что нужно поднять исходные журналы.

В воскресенье в десять четырнадцать Ларин позвонил. Максим был за рулём, подъезжал к дому, где проводили другое следственное действие. Увидел имя, не смог остановиться и сбросил, чтобы перезвонить через минуту.

Через минуту он действительно перезвонил. Абонент не ответил.

В десять двадцать пришло сообщение: «Есть ещё видео. Не то, что вы могли видеть. Позже отправлю».

Максим написал: «Жду. Где вы?»

Ответа не было. Он повторил звонок днём, затем вечером. Послал Панова к квартире. Дверь никто не открыл. Уголь лаял изнутри, коротко и с паузами. Соседка сказала, что Денис уходит так иногда на целый день.

Панов остался у дома, пока Максим решал, как действовать дальше. Когда телефон Ларина наконец обнаружили по новому месту, возле старых ремонтных боксов, пса ещё слышали через дверь.

Глава 11

Последняя доставка

Ларин узнал Киру сразу, хотя раньше они встречались только мельком, когда он привозил животных. Она представилась по телефону, и он согласился поговорить. Сказал, что как раз ищет врача, способного разобраться в старых заключениях.

У ремонтных боксов он стоял с бумажным пакетом из продуктового магазина. Седые волосы на висках намокли. Он был моложе, чем выглядел на фотографии, и совсем не похож на человека, которого Кира четыре дня представляла себе по чужим рассказам.

— Вы Невская? Я у вас пару раз был. В приёмном.

— Патологоанатомическое отделение.

— А, значит, не у вас. Там девушка была, высокая. Всё равно спасибо, что приехали.

Он открыл боковую дверь. Внутри пахло картоном и холодным металлом. На полу стояла пластиковая миска. Ларин заметил её взгляд.

— Тут белая живёт. Сейчас спряталась. Кормлю, когда приезжаю.

— Что за заключения?

— За прошлый год. Я хотел понять, могли эти собаки вообще быть из одного места. На бумагах одно, по датам другое. Мне сказали, вы в таком разбираетесь.

— Кто сказал?

— Вера. Давно ещё. Что к вам лучше, если надо точно.

Кира расстегнула пальто и придержала рукой мокрую полу. Ларин раскладывал листы на верстаке. Некоторые были в прозрачных файлах, другие промокли по краям. Он старался не класть одно на другое, чтобы видны были номера.

Она увидела знакомую подпись.

— Здесь написано, что приняли двадцать три животных.

— Да. В тот день было столько.

— Куда отвезли?

— На площадку за теплоцентралью. Смотрите, адрес здесь. Только по другим бумагам половина в это время уже будто бы была на передержке в городе.

— Вы видели, что с ними происходило дальше?

Ларин выпрямился.

— Я вам поэтому и звоню. То есть вы мне. Я хочу, чтобы кто-то посмотрел всё вместе.

— Дальше вы видели?

Он посмотрел на неё внимательнее.

— Не в тот день. Позднее видел. Я могу рассказать. Но мне надо знать, кому вы это понесёте.

Кира давно приготовилась услышать именно такой ответ: уклончивый, с попыткой первым узнать, что известно собеседнику. Ей оказалось легче узнать его в живой речи, чем допустить, что он может означать другое.

Ларин перевернул лист. Под ним лежала фотография чёрной собаки. Кира коснулась края.

— Восемнадцать. Это номер нашего случая.

— Да. Я надеялся, вы помните. Видите, у неё белое пятно было? А в отчёте приложили снимок другой. Называют той же самой. Но эта к вам попала, я проверил. А ту потом показывали спонсорам.

Он торопился. Доставал новые листы, показывал даты. Кира слышала слова, но они проходили через уже принятое решение. Ей казалось, что Ларин пытается переложить ответственность на бумагу, как делали остальные.

— Вы сами подписали, — сказала она.

Он остановился.

— Что привёз. Я уже объяснял это следователю.

Кира впервые услышала о встрече, состоявшейся накануне. Эта подробность должна была заставить её отложить всё, ради чего она приехала. Узнать имя следователя и связаться с ним. Сфотографировать документы и уйти.

Она ничего из этого не сделала.

Позднее, восстанавливая разговор для протокола, Кира будет останавливаться именно здесь. За столом сидели люди, которые ждали описания действий. Она давала его, насколько могла, без оправданий. Однако сама снова и снова возвращалась к секундам, когда ещё выбирала, кому верить.

В пустом боксе Ларин поднял голову на звук телефона. На экране появилось имя дочери. Он отклонил вызов и сразу написал: «Перезвоню, Алён. Всё хорошо».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.